

Судьба *Барабанищкова*

Монолог замечательного диктора
в сопровождении убедительных фотографий,
необходимых уточнений
и трогательных писем

Судьба Барабанищикова

АБ

Записала Светлана Федотова

301744

Верещагинская ЦСБ
Пермской области

ББК 76.03
УДК 654.19
Б 24

Светлана Федотова.

Судьба Барабанщикова. Монолог замечательного диктора в сопровождении убедительных фотографий, необходимых уточнений и трогательных писем

Пермь, 2012. 96 с.
ISBN 978-5-9903725-2-8

У Перми есть свой голос – это голос Григория Барабанщикова. Полсотни лет, с 1951-го по 2001 годы, он работал в радиозфере и на телевидении. Ушел на пенсию, но вернулся – не смог жить без любимой работы. Он работает и сейчас! Григорий Степанович рассказывал вести с полей, вел репортажи с праздничных демонстраций, беседовал со «звездами» советской эстрады, был автором и неизменным ведущим, пожалуй, самой легендарной программы пермского телевидения – «Третий звонок». По форме передача представляла из себя концерт, но на самом деле была чем-то гораздо большим. «Третий звонок» объединял людей и вызывал у них лучшие чувства.

Григория Барабанщикова любили в то время, любят и помнят его и сейчас. По сути, он был и продолжает быть другом каждой пермской семьи. Его голос, как виолончель, мог передать все оттенки хорошего. Для тех, кому за тридцать, он остается и навсегда останется человеком, в котором воплотилась душа родного города. А его голос – это голос Перми того времени, когда она была добрее и лучше.

В этой книге Григорий Степанович рассказывает о своей жизни. А люди говорят о нем.

ББК 76.03
УДК 654.19
Б 24

©С. Л. Федотова, 2012
©Продюсерский центр «Траектория» (ООО «Траектория»), 2012

Уважаемые жители Пермского края!

В этом издании по крупицам собрана вся история становления и развития радио и телевидения нашего края. Вы увидите ее глазами непосредственного очевидца – легендарного диктора Прикамья Григория Степановича Барабанщикова.

Многие жители Прикамья с благодарностью вспоминают телевизионные передачи «Рассказывают фотографии», «Третий звонок», «Память сердца», телегазету «С объективом по родному краю», где он выступал в качестве сценариста и ведущего одновременно.

За многолетнюю творческую деятельность и высокий профессионализм Григорию Степановичу были присвоены звания «Отличник радио и

телевидения», «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», «Почетный гражданин города Перми». Но главные его награды – поистине всенародная любовь и признание. Сейчас, несмотря на солидный возраст, Григорий Степанович продолжает служить любимому делу, выступая автором и редактором радиопрограммы «Мгновения истории», давая вторую жизнь материалам фондов радио Пермского края.

Выход книги совпал с 85-летним юбилеем краевого радио. В 1927 году в пермском эфире впервые прозвучали слова «Говорит Пермь!». И с тех пор краевое радио слушают во многих семьях Пермского края.

*Губернатор Пермского края
Виктор Басаргин*

В квартире Барабанщиковых вкусно пахнет пирогами. Валентина Ильинична, жена великого диктора, готовит исключительно. В этом доме всегда первым делом усаживаются за стол.

- Ешь не стесняйся, - говорит Григорий Степанович старую присказку, - если хозяйка гостю рада, то ей будет приятно, а если нет, то надо назло съесть побольше.

В маленькой двухкомнатной «хрущевке» на улице Крупской очень светло и уютно. На видном месте – диплом почетного жителя Перми, фотографии дочери Ирины и внучки. Над диваном маленький пейзаж художника Тумбасова. Вот и все богатства.

Зато нет в Пермском крае взрослого человека, который бы не знал имя Григория Барабанщикова. В 2000 году, на пороге очень жесткой избирательной кампании, один из кандидатов на должность губернатора провел социологическое исследование: кто из пермяков в регионе наиболее известен и популярен? Григорий Барабанщиков в этом рейтинге чуть-чуть уступил Юрию Трутневу. Жаль, нельзя измерить народную любовь: по этому показателю Григорий Степанович и сейчас наверняка на первом месте. Другого такого нет. И как бы ни называли его нашим пермским Левитаном – ничего подобного. Он наш, собственный Барабанщиков, ни на кого не похожий ни голосом, ни судьбой.

Говорят: от судьбы не уйдешь, а ведь он мог с ней спокойно разминуться. И был бы сейчас слесарем-инструментальщиком на пенсии. Ну, или токарем-фрезеровщиком.

Образования-то – шесть классов. Он из поколения военных детей, рано бросивших школу. Его, конечно, и в этом случае любили бы и уважали – такой он человек, но не было бы эпохи Григория Барабанщикова на пермском радио и телевидении.

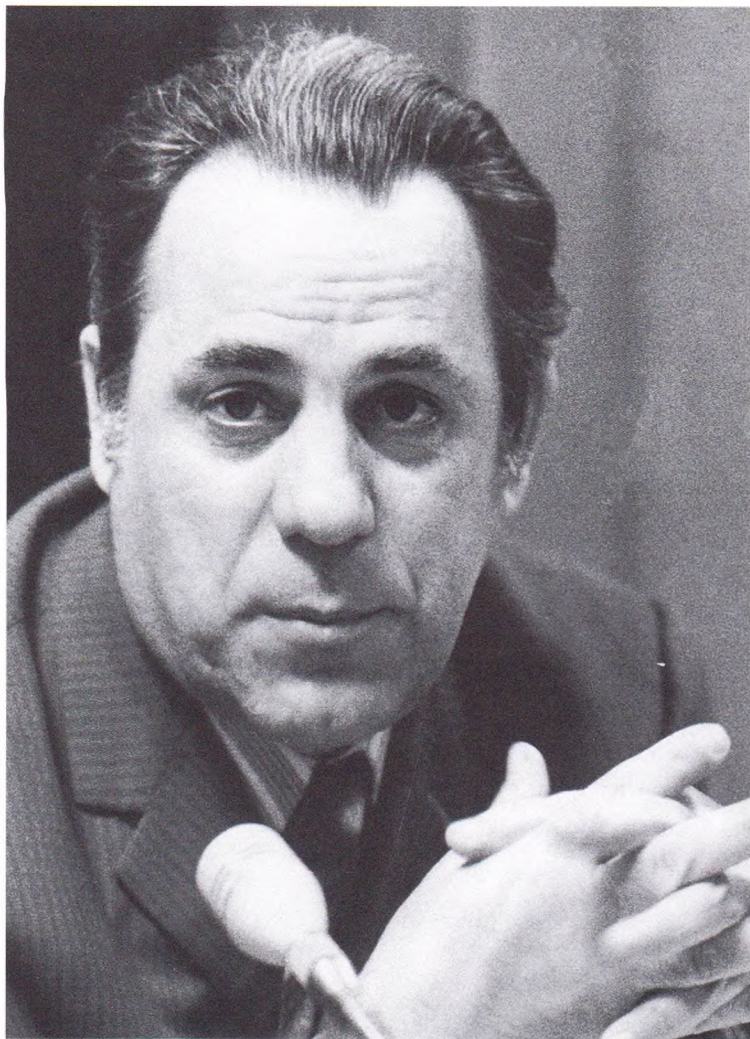
А это была именно эпоха. Он был лицом и голосом огромного региона в непростое время. Его популярность была такой же, как у Аллы Пугачевой в ту пору. Они были лучами света в темном царстве, утешением, праздником и радостью.

Таких фанатов, как сейчас, в то время не было. В подъезде его не ждали, на стенах ничего не писали, через балкон в комнату не проникали, а очень интеллигентно писали письма в телерадиокомитет. Правда, письма приходили мешками. Причем абсолютно по всем, по любым поводам. По мнению респондентов, Григорий Степанович отвечал за все пермское радио и телевидение. Более того, второго пермского диктора Игоря Пьянкова зрители при встречах тоже называли Григорием Барабанщиковым, что его страшно, говорят, обижало. Они были совсем непохожи.

Но Григорий Барабанщиков, как солнце, согревал всех. Он и сейчас согревает. Просишь рассказать о нем людей, знающих его много лет, а в ответ слышишь: «Он такой, такой, такой замечательный! У него такой голос! Он такой родной, добрый, благожелательный!» В общем, одни восторженные междометия и прилагательные.

Поэтому будет лучше, если он расскажет о себе сам. Сядьте поудобнее, налейте горячего крепкого чаю. Представьте его глубокий бархатистый голос. И слушайте.

На фото: По мнению пермяков, Г. Барабанщиков отвечал за все пермское радио и телевидение

Я родился 19 декабря 1931 года в Перми. Дом, где я жил, и сейчас стоит на углу улиц Большевицской – она теперь, кажется, Екатерининская - и Газеты «Звезда». Вскоре в этом доме поместили редакцию газеты «Вечерняя Пермь», а нас выселили. Потом там были другие учреждения. Но это неважно.

Мама, Лия Михайловна, была домохозяйкой. Она родилась на Западной Украине. В первую мировую войну их дом попал под бомбежку, погибла ее мать. Вместе с сестрами и братом они оказались в эшелоне, идущем вглубь России. Люди постарше и поумнее выходили в крупных городах, в Москве, например, а наши ехали до упора и доехали до Соликамска. А уж потом мама попала в Пермь.

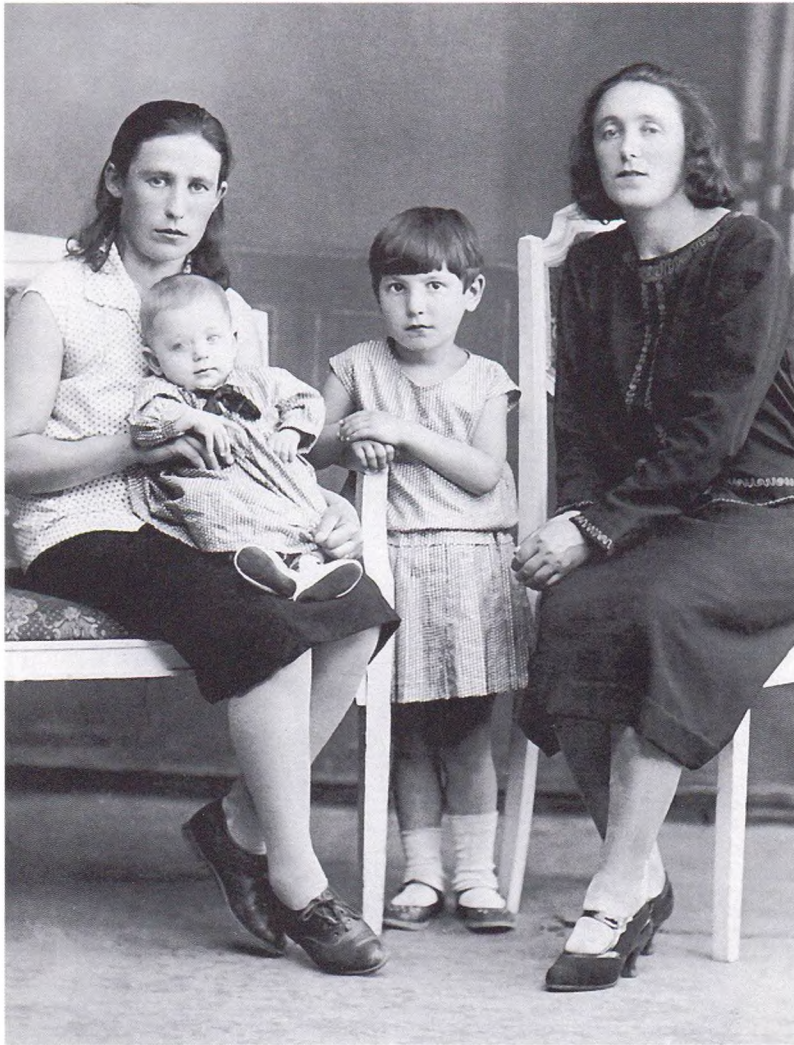
Папа играл в оркестре, а мама бегала на танцы, там они и познакомились. Нас, детей, было пятеро. Она хотела работать, но отец не разрешал, говорил: «Сиди, воспитывай детей, я буду зарабатывать». Но, мне помнится, мама работала билетером в саду имени Горького. Она была прекрасной хозяйкой, внимательной и мягкой мамой. Она всю себя отдала детям. О маме остались самые светлые воспоминания.

Отец мой родом из села Таборы, крупного, богатого пермского села.

Его отец, мой дед, был обувных дел мастер. Не сапожник, а именно обувных дел мастер! Он прекрасную обувь тачал. И в то же время имел музыкальные способности, играл на гармошке и балалайке.

Юность моего отца прошла в Таборах. Затем, в Оханске, он вступил в комсомол. Одно время даже был чоновцем (ЧОН – части особого назначения. – Ред.). Потом приехал в Пермь. Поскольку отец любил музыку, он учился одновременно в музыкальном училище - тогда оно было в Мотовилихе -

На фото: Григорий на коленях у мамы Лии Михайловны

и в Высшей партийной школе: в этом здании сейчас, по иронии судьбы, расположено Пермское музыкальное училище. Учился и там, и там. Когда подошла пора экзаменов, ему сказали: «Степан Николаевич, дорогой, ты уж выбирай – либо здесь, либо здесь!» И он выбрал судьбу музыканта. Его сокурсники по Высшей партийной школе потом стали кто директором завода, кто секретарем райкома, горкома, а он пошел в музыканты. И кто знает, может быть, это и к лучшему, потому что судьба тех людей мне неизвестна, но можно себе представить, что риску там было, конечно, больше.

После призыва в армию отец стал профессиональным военным музыкантом. И вот какой интересный зигзаг судьбы: когда в Перми открывали первую радиостудию, это было в 1927 году, то в программу входило выступление военно-духового оркестра, и мой папа играл там на трубе. У меня даже есть снимок: они играют именно в радиостудии.

Кто бы мог тогда подумать, что я однажды тоже окажусь в радиостудии. А тогда, кстати, меня и в проекте не было.

А еще до призыва в армию отец организовал при клубе – теперь это клуб УВД – оркестр беспризорников. Впоследствии многие эти бывшие беспризорники стали профессиональными музыкантами, помогли маме во время Финской войны, когда было трудно жить. Семья у нас была большая, а они то муки принесут, то еще чего-нибудь съестного.

Еще до войны отец играл в оркестре в цирке. Он располагался в Рабочем поселке, в деревянном здании. Но однажды случился пожар, и цирк сгорел. Во время пожара убежал медведь дрессированный. Кажется, его пристрелили, а мясо раздали

сотрудникам. До войны ведь тоже было голодно жить, тяжело. Отец принес мясо, мама сделала пельмени, все наелись, а потом спрашивали: «Откуда мясо?» Вот он и объяснил, что мы медвежатину ели.

После пожара в Перми цирка долго не было. Шапито, правда, был, но это уже не то.

Когда началась война, отца взяли на фронт, несмотря на то, что он профессиональный музыкант. Они играли на передовой. В 1943 году, после ранения, вернулся домой, но на трубе играть уже не мог, потому что для этого нужны здоровые легкие. И он перешел на ударные инструменты, проще говоря, стал барабанщиком. Барабанщик Барабанщиков.

Отец играл в театре оперетты в летнем театре в саду имени Горького. И поэтому я все оперетты просмотрел, не вылезал из оркестровой ямы, знал всю классику. Замечательные были актеры и спектакли!

А еще в то время перед началом киносеансов играли небольшие оркестры. Мой отец играл в кинотеатре «Красная звезда» на Комсомольском проспекте - сейчас там, кажется, ресторан, - и туда я тоже бегал смотреть кино. Некоторые фильмы я смотрел сотни раз, особенно музыкальные. После войны к нам пошли так называемые трофейные фильмы, в основном американские...

Затем в Доме пионеров мой отец начал вести кружок - ансамбль струнных инструментов. А играть он мог практически на всех инструментах.

На фото: 1927 год. В только что открывшейся в Перми радиостудии выступает военно-духовой оркестр. Степан Николаевич Барабанщиков играет на трубе. Спустя два десятилетия в эту радиостудию придет его сын.

Он был мастером на все руки: из квартиры мог сделать картинку, вырезал из металла какие-то фигуры, во время войны делал прекрасные босоножки актрисам театра, в котором работал. Мне передалась только его музыкальная одаренность. Отец пытался учить меня играть на музыкальных инструментах. Я уже выдувал на трубе «Интернационал» – это был мой предел. Учился играть на скрипке, но почему-то попала большая скрипка, мне надоело «тянуться», и я бросил. Была мечта научиться играть на фортепиано. Но папа мне сказал: «Дома инструмента нет, и потому нечего даже и начинать, пойдем хотя бы ко мне в кружок, на домре играть будешь».

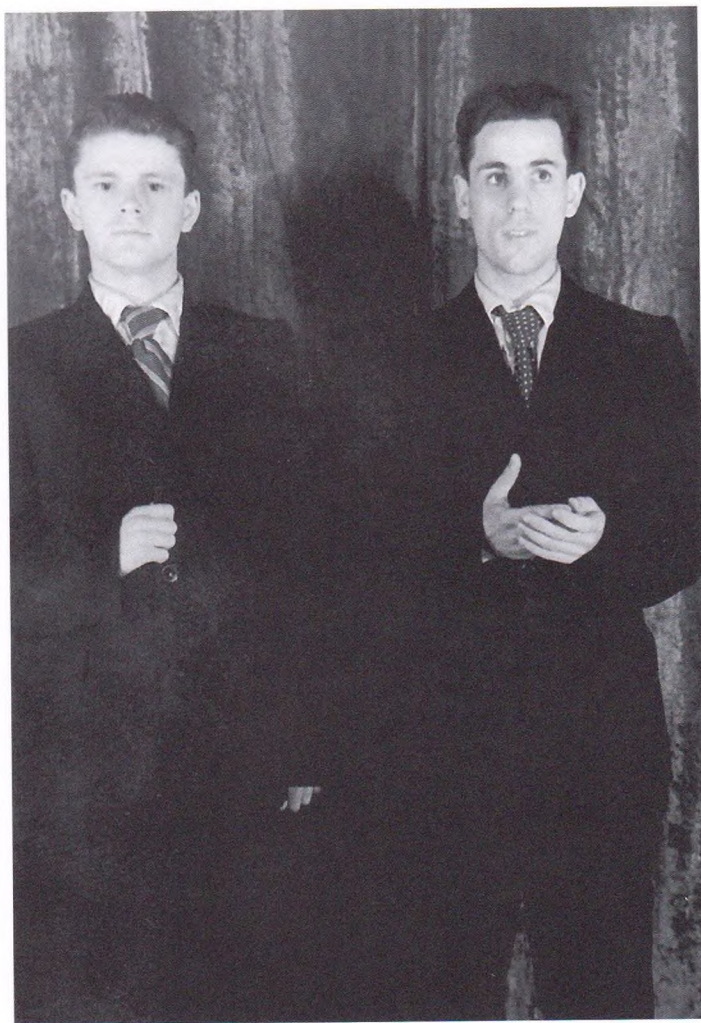
Музыкантом я не стал, но слух, любовь к музыке остались со мной на всю жизнь.

Так я попал в Дом пионеров на улице Луначарского. Теперь этого дома нет.

Наш небольшой ансамбль состоял из восьми человек. Нот я не знал и до сих пор их не знаю. Отец придумал нам цифровые ноты, рисовал, какие струны и на какой лад нажимать, и мы играли, даже Грига!

И вот однажды в Дом пионеров приходит Владимир Иванович Перебатов, молодой, но уже очень известный в Перми радиожурналист. Он пришел делать репортаж. По этому случаю собрали участников всех кружков. И в этот момент я увидел девочку, которая мне очень нравилась – она жила на улице Кирова, но в наш двор ходила к подружке, поэтому я ее хорошо знал. Смотрю, она в драмкружке. Я тут же, во время записи этого репортажа, подошел к руководителю кружка Грузинцевой и сказал, что хочу записаться в драмкружок.

На фото: Григорию четырнадцать лет

Григорий Барабанчиков читал со сцены стихи...

... И в драматическом кружке занимался (сцена из спектакля «Двенадцать месяцев»)

301744

Верещагинская ЦСБ
Пермской области

АБ

А мальчики всегда были дефицитом в танцевальных и драматических кружках. Она сказала: «Пожалуйста, я вам сразу дам роль Олега Кошевого». А мне все равно было, кого играть. Главное, чтобы рядом с этой девочкой.

Так я попал в драмкружок. Мы ставили спектакли на сцене клуба имени Дзержинского. Помню, в пьесе Маршака «Двенадцать месяцев» я играл роль профессора у принцессы и одновременно должен был в оркестре сопровождать действие музыкой. И вот, одетый в костюм, я в оркестровой яме играю увертюру, потом бегу на сцену играть профессора, а затем бегу обратно в яму играть танцы. Такое было время замечательное!

Не могу не вспомнить Валерию Викторовну Райскую. Всех ее родственников репрессировали, она была одна, и вся жизнь Валерии Викторовны заключалась в этом Доме пионеров. Она дневала и ночевала там, была художественным руководителем, душой всех кружков. Вела акробатический кружок, куда вовлекла отъявленных хулиганов. Каким-то образом она их собирала и держала в узде.

Очень была живая, экспансивная женщина. Только свистнет - все пацаны за ней, на любое дело без всякого страха, такой она была человек!

В Доме пионеров я ходил и в кружок бальных танцев, который вела та же Валерия Викторовна. В школах все выпускные вечера начинались с бальных танцев. Мы танцевали и венский вальс, и мазурку! Однажды услышал разговор двух девушек-зрительниц: «А этот парень хорошо танцует». А другая девушка говорит: «Да, но только маленький уж очень!» Роточка-то я всегда был небольшого.

Был у нас в городе такой Юрий Егоров, знаменитый

На фото: ... И в танцевальный кружок тоже ходил!

Григорий Барабанищев (крайний слева) на сцене. 1940-е годы

С друзьями (Григорий Барабанищиков в центре)

преподаватель бальных танцев, я к нему ходил и иногда ему ассистировал. Да чем только я не занимался! Я и сейчас всем говорю: надо в юности все перепробовать! Потому что в будущем все может пригодиться.

Затем появилась Мария Федоровна Януш, известная пермская актриса. Она вела драмкружок в Доме пионеров, играла в драматическом театре, а затем, в последние годы, в ТЮЗе. Я стал заниматься у нее. Кстати, однажды я спросил: «Мария Федоровна, как Вы считаете, я мог бы стать актером?» Она говорит: «Понимаешь, Гриша, актером ты стать мог бы, но таким, средним». Я решил: ну и ладно!

Школьная моя жизнь как-то не задалась. В 1938 году я пошел в школу на улице Большевистской (где сейчас музыкальное училище), а в 1941 году нас оттуда перевели: в этом здании разместили госпиталь для раненых. Вот тут начались мои скитания по разным школам: учился то в одной, то во второй, то в третьей.

Как и многие, ленился. Но во время экзаменов готовился дня два-три и первым шел отвечать. Сидеть и ждать - это ужасно, это значит нервничать, уставать. Лучше сразу: или пан, или пропал. Математику я никогда не понимал. Сейчас, на склоне лет, убежден, что совсем не обязательно все это знать, ведь потом ни математика, ни тригонометрия мне не понадобились. Гуманитарные предметы у меня шли лучше. Когда я учился, то ни одного правила по русскому языку не знал! Меня спрашивали, я ничего не мог ответить, но писал исключительно грамотно. Потом я долго размышлял, в чем дело, и понял: я, видимо, столько впитал печатного текста, что знаки препинания сами собой расставлялись. Моя учительница русского

На фото: С сестрой. 1947 год

языка и литературы всегда говорила мне: «Ну, быть тебе писателем!» Но писателем я не стал.

Самое главное воспоминание военных лет - это холод зимой и голод постоянный. Есть было нечего. Мать получит норму хлеба по карточкам и запирает его в комод, на ключ. Я никогда не забуду: ходишь по дому, ну хоть что-нибудь бы съедобного найти! А в обед мама выдавала кусочек хлеба. Вечером на ужин все съешь, что тебе дадут, а потом этот хлеб берешь с собой в постель - и такое блаженство съесть его!

Вспоминаю, что специально сажали турнепс рядом с картофелем - это репа такая кормовая. Осенью приходили выкапывать картошку, а рядом выросло лакомство. Мама из свеклы делала паренки изумительные: кусочками нарезала и в русской печи в горшке запекала. Крапиву ели, да все что угодно!

В нашем дворе жили эвакуированные из Ленинграда. Глава семьи работал в пищевой артели «Звезда», поэтому они жили хорошо. И отдавали маме картофельную шелуху, а она готовила ее так, что пальчики оближешь.

Еще помню, что в школе каждый день на одной из перемен давали по крохотному брусочку сливочного масла.

В то время люди очень выручали друг друга и жили иначе, по-доброму. Сейчас такого нет. В нашем дворе мы ходили друг к другу в гости просто так, двери были всегда открыты. Тогда было по-своему хорошо.

Я все время думаю: как во время войны ни было тяжело, но ведь книги выпускали! Пусть на оберточной бумаге их печатали, но они выходили, даже стихи! Например, стихи Евгении Трутневой и других местных поэтов. А в войну еще ленинградские писатели и поэты здесь жили. Театры работали

На фото: Г. Барabanщиков, крайний справа

и полные залы собирали. Правда, среди зрителей было много командировочных, военных, раненых из госпиталей. Но и гражданских тоже было много. Театры не пустовали никогда.

Я бросил учиться после шестого класса. Тяжело было. Отец хоть и вернулся с фронта, но сильно болел. Старшая сестра Елена, как только началась война, оставила школу и пошла работать на телефонный завод. Пошел работать и я.

Мой трудовой стаж начался в 1947 году. Дядька у меня был ювелиром, вот и взял меня к себе. Сначала я был учеником ювелира. Кое-что научился делать, даже кольца с камешками. Ювелирная мастерская находилась на углу Комсомольского проспекта и Ленина, там сейчас гостиница, сквер.

Потом стал часовым мастером: будильники, ходики ремонтировал. Мастерская была, кажется, тоже на том же месте – на углу Ленина и Сибирской, рядом с гастрономом. Это была часовая мастерская Фишера, который тогда был в городе главным мастером.

Но должен сказать, что работать руками мне не дано, это не мое. Ну, починить ходики мог. Кстати, это непростая штука: там всего три колеса, а иногда целый день промаешься, пока они пойдут.

Затем я попал на телефонный завод. Сначала был учеником слесаря-лекальщика, потом работал в сборочном цехе.

Мастер мой, кстати, был тоже музыкант, и мы ходили с ним подрабатывать – играть на похоронах. Я бил на тарелках. Мы были «лабухами» – так раньше звали музыкантов. А покойников называли «жмурики».

На заводе мы собирали первые таксофоны, которые только-только появились. Стыдно признаваться, но, например, в ночную смену после часа работы я иногда уходил спать

на склад готовой продукции. Вот бежать в клуб работников госторговли - это другое дело, это меня хлебом не корми!

В этом клубе - теперь там театр «У моста» - я занимался в драматическом кружке. Руководил им Матвей Ильич Крендель, очень известный актер, заслуженный артист РСФСР. Он был добрейшей души человек, веселый, улыбочивый, шутиливый. Замечательный был мужик!

Я уже организовывал вечера, елки, выступал в роли деда Мороза. Все это делалось бесплатно. С другом мы составили музыкально-литературный репортаж о нашем городе. Мы читали, а нам аккомпанировал Сергей Аркадьевич Шихов, человек известный в нашем городе. Он был пианистом, затем стал звукорежиссером на телевидении. Кстати, он аккомпанировал пермским гимнасткам на всех соревнованиях.

Затем я, можно сказать, организовал первый творческий клуб актеров. Пошел в обком комсомола, высказал идею, и мы собрали вечер творческих работников города. По сути, это был мой первый общественный шаг крупного масштаба. Там собирались актеры из драмы, филармонии, оперного театра. Мы показывали фильмы, давали концерты, читали лекции, потом были танцы, игры - раньше это модно было.

В клубе работников госторговли мы вели большую концертную деятельность, ездили по избирательным участкам, а летом - на отдых вместе с работниками торговли. Давали концерты прямо в лесу или на берегу, очень интересно было.

Матвей Ильич мне говорил: «Я удивляюсь, ты выходишь на сцену и - как у себя на кухне! Мне, профессиональному актеру, даже трудно приспособиться бывает, а ты!..» А я не мог объяснить, в чем дело. В жизни мне бы в уголочек забиться, чтобы меня никто не видел, чтобы я никого не касался. Но если я

На фото: Матвей Ильич Крендель, руководил драмкружком в клубе работников госторговли

выхожу на сцену и знаю, что мне делать, то для меня уже тут никаких преград.

Я человек очень застенчивый до сих пор. Например, мне нужно позвонить Юре Филимонову (руководитель радио Пермского края - Ред.), пригласить его к себе или напроситься на визит - я стесняюсь, мне неудобно. Я думаю, человек он занятой, а нужно что-то просить, и вот я тяну и тяну время. Вот такой я - и всё! Когда же начал выходить на сцену, вокруг сотни людей, а я работаю как ни в чем не бывало. А закончилось все - сразу обратно, в свою «раковину».

Когда мы учили в драмкружке роли, то друг мой зубрит, зубрит, а я так не мог. Мы репетировали, репетировали, я читал, читал, потом хлоп - и я все знал! Или когда я потом читал текст на радио, я всегда старался его читать «с листа», сходу. Только глянешь разок заранее, чтобы ударения поставить - и все. Тем более что время от времени ударения меняют, потому что языковеды тоже хотят кушать. А в основном текст посмотришь - и начинаешь читать так, как будто первый раз его видишь. Я не говорю, что это правильно, но такой уж я человек.

Со стихами то же самое. Я брал стихи и сразу их читал. Я загорался на ходу. Я иначе не мог, потому что вдохновение на меня находило прямо во время разговора, во время чтения. Так у меня вроде пустая голова, а как только начинаешь читать что-то - одна картинка, вторая, третья, четвертая... Поэтому в свободном разговоре, в беседе мне легче, тут я как рыба в воде. Иногда можно вильнуть в сторону, но потом оказывается, что и это «в строку».

Еще, особенно перед камерой, нужно человека как-то разговаривать, потому что люди перед эфиром ведут себя так, словно в них сейчас стрелять будут. Предположим, пришла

На фото: В радиостудии

на интервью простая работница, мы сели, стоит телевизионная камера, рядом оператор. Я говорю: «Тамара Ивановна, давайте побеседуем, познакомимся, пока готовятся». А оператору перед этим сказал: «Если я кашлянул, включай камеру». И начинаю: Тамара Ивановна, да как дела, да как зарплата, пятое-десятое... Она освоилась, растаяла, я кашляю, включаю камеру, я задаю нужные вопросы. Она думает, что мы еще репетируем, и охотно, по-простому разговаривает.

Однажды на это «купилась» такая профессиональная актриса, как Мария Федоровна Януш. Был вечер, посвященный 8 марта. И, как всегда, договорившись с режиссером об условном знаке, мы как бы репетируем. Я подал знак и ходил, спрашивал женщин, чтобы они рассказали по такому-то поводу. Обойдя всех, я поблагодарил и сказал, что запись окончена. Мария Федоровна на меня: «Как окончена?! Ты меня обманул!» А я в ответ: «Все же хорошо получилось!» Действительно, они все были искренними и раскрепощенными.

Мария Федоровна Януш, кстати, была истинной женщиной. Всем своим поведением, разговором она создавала вокруг себя ауру утонченности.

С этим периодом связано еще одно очень важное событие в моей жизни. Я встретил своего самого главного человека и самого главного друга - Валентину Ильиничну. Мы встретились на танцах в библиотечном техникуме. Я обратил внимание на симпатичную девушку, которая была одна. Она сразу мне понравилась.

Мы познакомились. Правда, оказалось, у нее был парень - курсант ВАТУ (Пермское военное авиационно-техническое училище. В настоящее время закрыто. - Ред.). Пришлось долго завоевывать ее.

Свадьба. 1959 год

На прогулке. Начало 1960-х годов

Валя окончила библиотечный техникум и уехала к себе в Волчанск, это шахтерский город в Свердловской области. Через некоторое время я поехал к ней и уговорил вернуться в Пермь. Обещал, что найду ей работу и место, где жить. В результате устроил Валюшу в школу № 32 библиотекарем. Так, постепенно, незаметно в 1959 году мы поженились. С тех пор и живем.

Дом и дочка всю жизнь были на ней. Работа диктора забирает все время - с раннего утра до поздней ночи. А в выходной день у меня «Третий звонок!» Не позавидуешь ей, это тоже выдержать надо... Так и терпит с 1959 года!

Хорошая дочка у нас - Ирина. Она пошла по стопам матери и стала библиотекарем. Окончила институт культуры, работала в Горьковской библиотеке, а теперь в школе.

Валентина Ильинична Барабанщикова, жена:

- Я училась в библиотечном техникуме, когда мы встретились. Увидел меня - и все, говорит: «Покорила!» Я в то время встречалась с мальчиком из ВАТУ, но Григорий стал так красиво ухаживать! Что он только ни делал, что только ни предпринимал! Дарил цветы, а тогда это не очень принято было, записал мне на день рождения концерт по заявкам: как будто ко мне пришли Клавдия Шульженко и другие известные певцы и поют для меня. Настолько это было красиво, интересно! Водил меня на все концерты. Где бы он ни был - всегда тащил за собой, буквально тащил! Я стеснительная была, не очень мне это нравилось, но потом ничего, привыкла.

Когда он приехал ко мне в Волчанск, мне было очень неловко! Я боялась: что скажут родители? К нам ехать нужно

На фото: Счастливые родители

было со многими пересадками, уж не знаю, как он добрался. Я уже устроилась в горный техникум на работу, и он меня вытаскил оттуда, сказал, что найдет мне работу в Перми. И действительно нашел. А курсант мой уехал по распределению на Дальний Восток - и все. Правда, лет через пятнадцать за мной приехал, но я сказала: «Поздно!» У нас с Григорием уже дочка была в то время.

А тогда, когда мой «ватушник» уехал, я, конечно, расстроена была, и никто мне был не нужен. Но Григорий очень был настойчив. Я работала уже библиотекарем в школе № 32, меня приглашали к телефону и передавали, что звонит мужчина с бархатным голосом. Очень Григорий Степанович нравился нашим учителям. Ну, естественно, эта симпатия передалась и мне.

Мы снимали комнату и поехали регистрироваться, когда узнали, что я в положении. Я сказала, что выйду замуж, если он возьмет мою фамилию - Гончарова. Вроде согласился, приехали в ЗАГС на улице Кирова, там спрашивают: «Ну что, чью фамилию будете брать?» Я смотрю, он голову опустил. «Да ладно, говорю, Барабанищикова буду!»

Измывалась я тогда над ним, а он терпел. Но не ошиблась, что выбрала его. Дочку любил безумно, нянчился с маленькой, гулял, ходил на молочную кухню. Моя приятельница говорила: «Смотрю и думаю, есть ли у этого ребенка мама?»

Самое счастливое время было, когда дочь была маленькая, лет до пяти. Тогда был восторг, он так любил меня и так за нами ухаживал!

А потом засосала работа, все его время было посвящено работе, поездкам по городам, встречам. Кстати, его приглашали в Ленинград, но я не отпустила его. Сказала:

не поеду! Один диктор с Центрального телевидения тоже говорил ему: «Что ты, Гриша, тебя здесь на руках носят, почитают! А там можно затеряться. Лучше быть первым парнем на деревне». И мы остались в Перми.

Дочка росла, и он не знал, как она учится, по причине своей постоянной занятости. Мы жили без претензий. Я не была избалована в материальном плане, денег было мало: я библиотекарь, а когда ему добавили двадцать рублей после назначения главным диктором, это было «событие мировой важности».

Лучше жить мы стали уже на пенсии. Он еще работал, и потому мы могли даже детям немного помочь. А когда в 2001 году у Григория Степановича случился инсульт, и работу пришлось оставить – это уже страшно. Но я никогда не жалею, нам вдвоем хорошо.

Про поклонниц, я думаю, что они были, наверное... Но тогда не было фанаток, да и он нигде не бывал без меня, никуда не ходил, и даже если на работе компания собиралась, то он очень быстро уходил домой, не пил там и не ел даже. Приходил из компании и говорил: «Давай поедим».

Я чувствовала огромное уважение людей к нему. Особенно когда на работе отмечали юбилей – шестидесятилетие, – так все хорошо о нем говорили! Подходили ко мне, высказывали свое восхищение им. Особенно приятно было, что ему присвоили звание «Почетный гражданин города Перми». Я очень рада за него.

Для меня он родной человек. Звонят мне родственники, бывшие коллеги и говорят: «А ты знаешь, сегодня Гриша говорил по радио!» Мне приятно, но без сумасшествия приятно. Не знаю, правильно это или нет.

Возвратимся немного назад. Однажды Матвей Крендель мне сказал, что на радио объявлен конкурс на замещение должности диктора, и предложил сходить попробоваться. Я тоже слышал об этом конкурсе, но думал, что туда принимают только, например, актеров, людей, как-то подготовленных к этому. Ну, ладно, раз говорит - пойду.

Радио тогда, как и во время войны, располагалось в здании на площади Окулова (сейчас сквер Уральских добровольцев. - Ред.), где книжная типография. Меня встретили диктор Нина Константиновна Ваулина и музыкальный редактор Алевтина Александровна Кольцова. Обе - большие фигуры в культурной жизни нашего города.

Ваулина работала на радио еще во время войны. По профессии она строитель, но каким-то образом попала в дикторы. Очень активная, с командным голосом, напористая, она всю жизнь была в профсоюзе, парткоме. Нина Константиновна умела преподавать, что не каждому дано. Я вот могу только на примерах показывать, а она обучила и воспитала многих пермских дикторов, и меня в частности.

Алевтина Александровна Кольцова была ее противоположностью - мягкой, интеллигентной. Она окончила музыкальное училище, ее знал весь музыкальный, артистический, писательский мир города. В то время радио было культурным центром Перми, а она была его эпицентром.

Так вот, дали они мне почитать газету вслух, как сейчас помню, это была «Литературная газета». Я стал читать:

- Говорит Пермь. Доброе утро, товарищи! Послушайте, пожалуйста, обзор «Литературной газеты»...

Здесь я должен сказать, что когда еще был мальчишкой, то сиднем сидел дома и читал, читал, читал. Сколько я тогда прочитал, наверное, на всю дальнейшую жизнь хватило.

Особенно я любил читать вслух газеты! Я и думать не мог, что когда-то стану диктором, нет, просто мне нравилось читать вслух, причем особенно нравилось произносить трудные слова и трудные тексты. А когда у нас появилась небольшая радиолка, летом я выставлял ее на подоконник. Ребята научили, как сделать самодельный микрофон. Я брал пластинку, читал в микрофон, что на ней написано, а потом ее заводил.

Вот верь и не верь! Что-то бывает сверху или нет? Что-то ведь заставляло меня это делать?! Кстати, я всегда очень любил радио! Бывало, я даже залезть туда хотел: я не понимал, как это в репродукторе может помещаться большой оркестр, да еще артист, диктор... Я часами мог сидеть у радио. И что бы там ни говорили потом про советское радио, это было классическое радио, такого не было нигде в мире, потом это признавали даже за рубежом. Настолько оно воспитывало! Я оставляю в стороне идеологию, она была, есть и будет, но во всем остальном, в приобщении человека к культуре, это было прекрасно!

Ведь у меня ни полной школы, ни вуза за плечами нет. Я всему научился благодаря радио! Культура, понимание искусства, литературы - все пришло ко мне через «тарелку».

Ваулина и Кольцова сказали, что меня берут, только предупредили, что зарплата маленькая. В то время она составляла четыреста с чем-то рублей. А я на завод как на каторгу ходил и на все был согласен, лишь бы уйти оттуда. Мне все равно было, какие деньги получать - пусть хоть совсем не платят! Вот так в октябре 1951 года я попал на радио. И было мне девятнадцать лет.

Через месяц, наверное, меня послали в Новосибирск на курсовой семинар дикторов радио Сибири, Дальнего Востока и Урала. Вела его одна из первых советских дикторов Наталья Толстая.

На работу в радиокomiteeт я ходил с постоянным ощущением счастья.

На фото: Григорий Барабанщиков за любимым занятием: чтением газет

Тогда еще не было магнитофонной записи, и все передачи – новости, обзоры газет, концерты, радиоочерки, интервью, беседы – шли непосредственно в прямом эфире. Нужны были необыкновенные собранность, ответственность и профессионализм. Скидок на молодость никто не делал. Новости и обзоры газет мы читали на два голоса с Ниной Константиновной Ваулиной, сидя рядом у микрофона.

Месяца через три мне дали вторую категорию, а их всего-то три. Это не для хвастовства говорю, а видимо, что-то Боженька мне дал.

Несмотря на то, что я только осваивал все это, я порывался писать и сам какие-то материалы, быть журналистом.

Первый цикл, который я сам придумал, был «Вот эта улица, вот этот дом». Я приезжал к какому-нибудь путешественнику, коллекционеру, кулинару или другому известному человеку домой и беседовал с ним. Начиналась передача так: шум города, сигналы машин, звон трамваев. «Здравствуйте! – Здравствуйте!» И завязывается разговор. Такой прием сейчас – обычное дело, а тогда это было в диковинку и воспринималось очень эмоционально. Казалось, что разговор проходит живую, хотя мы, конечно, записывали все на магнитофон. Вскоре мои материалы стали даже вывешивать на «Красную доску».

Во мне всегда были любовь к музыке и ее понимание, но именно Алевтина Александровна Кольцова по-настоящему раскрыла мне мир музыки. Благодаря ей я смог понять симфоническую, классическую, оперную музыку. Я и сейчас люблю любую музыку, лишь бы она была хорошей. Под руководством Алевтины Александровны я делал все радиальные концерты. Исходные материалы были на пластинках. В аппаратной стоял огромный стол с очень большим деревянным диском. На него ставили пластинку, и музыка шла в эфир.

На фото: С Ниной Константиновной Ваулиной в прямом эфире

А еще мы вели трансляции из нашего театра оперы и балета. Полностью передавали спектакли. Мы, радиийщики с аппаратурой, располагались на уровне последнего яруса балкона в маленькой комнатке с окошечком. Я читал либретто, представлял исполнителей, а дальше – живой эфир.

Радио – не сцена, и я всегда волновался. Кстати, волнение должно быть обязательно. Даже когда я уже полвека проработал у микрофона, всякий раз, когда выходил в эфир, волновался. Но это творческое волнение. Оно должно быть: если актер с холодным, как у собаки, носом выходит, то ничего не получится толком. Но есть волнение паническое. Вот этого допускать нельзя – забываешь все, что знаешь, голова пустая, глаза дикие и...

Я всякий раз, начиная читать текст у микрофона, представлял, что делаю это для приятных мне людей. Они сидят у себя дома, пьют чай и слушают меня.

Культурная жизнь Перми была очень богатая. Писатели, журналисты тех лет – они так и останутся «золотым фондом» на все времена. У нас на радио, когда я туда пришел, работали Виктор Астафьев – спецкором, Владимир Радкевич – редактором, потом пришел Николай Вагнер, впоследствии ставший писателем. Хорошо помню писательницу Ольгу Волконскую, недавно вернувшуюся из эмиграции, из Аргентины, с вечно дымящейся папиросой во рту, очень низким голосом. Часто бывал на радио и Марк Захаров, сейчас знаменитый режиссер, а тогда актер драмтеатра и начинающий автор, приносивший свои юмористические заметки.

Пианистом на радио работал Владимир Ульрих. Он был высокий, плотный, импозантный мужчина с богатой шевелюрой, с сединой. В свое время он аккомпанировал Шаляпину. Кстати, все время говорил мне: «Григорий, давай научу тебя петь. Голос у тебя приятный».

На фото: 1950-е годы. Дружный коллектив пермских радиийщиков

Журналисты у нас тогда были замечательные – Владимир Перебатов, Вера Пономарева, Алевтина Кольцова, Николай Кузнецов. Эти люди не учили меня, но общение с ними очень много значило. Люди были добрые, талантливые, активные, жили душа в душу. Вот, говорят «террариум единомышленников». Нет, у нас такого тогда не было.

В 1958 году открылся Пермский телецентр, который долго строили на месте аэродрома на Городских Горках. Радио тоже переехало сюда же, на новое место. Мы ходили на работу через чистое поле, мимо бывшего самолетного ангара.

Костяк телевидения состоял из радийщиков. Николай Вагнер стал первым директором студии. Он и подбирал сотрудников, дикторов.

Первым телевизионным диктором была Лидия Кутузова, тогда еще студентка университета. А самую первую программу открывала диктор Центрального телевидения Анна Шилова, кстати, пермячка, приехавшая для этого специально из Москвы.

Я читал тексты за кадром, в том числе на самой первой пробной передаче, вышедшей 1 мая. Это были стихи. Потом поняли, что в кадре нужны и мужчины, а не только красивые девушки. Так я вышел на экран.

Для людей творческих, азартных телевидение было новым, неизведанным, интересным делом. Пермское телевидение в те времена было одним из ведущих в России. Мы шли сразу за Москвой и Ленинградом.

А многие формы рождались именно в Перми. Например, еще не было в помине программы «Время», а у нас уже шла телевизионная ежедневная газета. Был первый театр одного актера, Лев Футлик его создал. Был первый «Музыкальный те-ремок» для малышей, его вела Галина Баталина. Первый художественный телевизионный детский фильм был снят у нас - «Три с половиной дня из жизни второгодника и второклассника Ивана Семенова». Режиссер – Константин Березовский... Был простор для фантазии.

На фото: В студии перед эфиром

Я так намаюсь в ювелирной и часовой мастерских, потом на телефонном заводе! Моя душа отдыхала в драмкружке, на концертах. А когда я попал на радио, затем на телевидение, то понял, что значит «войти в свою воду», найти свою судьбу.

Начиная с 1951 года вся моя жизнь пошла как по маслу. Интересно было то, что один день не повторял другой, все менялось вместе с меняющейся жизнью. Каждый раз - новые люди, новые события.

Были встречи, которые до сих пор многое для меня значат. Например, общение с директором конезавода № 9 Героем Социалистического Труда Соколовым. Мы сняли фильм о нем - человеке, безумно влюбленном в свое дело, умеющем хозяйствовать по-своему. Кстати, как раз за это он и имел большие неприятности с обкомом партии, и его потом сняли с работы.

Общался я с конструктором авиамогоров Павлом Соловьевым. Мы снимали передачу о нем в цикле «Память». Я спросил: «Как вас представить?» Он смеется: «Не знаю, официально - профессор политехнического института. Но после вашего репортажа я лечу во Францию как генеральный конструктор Пермского авиамогостроительного завода». Нам цензура запрещала тогда называть вещи своими именами. Там, значит, во Франции можно объявлять его должность, а здесь нельзя. Смешно.

Много общался с художником Анатолием Тумбасовым в последние годы его жизни. Подаренный им пейзаж висит у меня над диваном. Я присутствовал на вручении ему диплома «Почетный гражданин Перми». «Большое спасибо, главное, что успели при жизни», - буквально так он и сказал, а через две или три недели умер. Изумительный был человек, такой рассказчик, истинный россиянин. Как говорится, от земли, от природы человек. Много рассказывал мне, как рисовал места, которых уже нет в нашем крае: затопили, когда возводили Камскую и Воткинскую ГЭС.

На фото: В Чусовом, на горнолыжной базе «Огонек»

Так же дороги мне уже ушедшие писатели Лев Кузьмин, Олег Селянкин, кинооператор Михаил Заплатин.

Почти вся моя жизнь прошла рядом с Владимиром Ивановичем Лицманом, военным дирижером. На всех демонстрациях и торжественных вечерах кто играет? Военный оркестр Лицмана. А я тут же комментатором.

Частым гостем на радио был в свое время главный режиссер Пермского академического театра оперы и балета Иосиф Исаакович Келлер, легендарный человек. Вот он приходит, такой вальяжный. Только и спросит, какая тема и сколько минут он может говорить. Скажешь ему: десять минут. Микрофон включают, и он начинает без всяких бумажек импровизировать. Причем, в его рассказе будут и зачин, и кульминация, и финал, и все это – точно в отведенные десять минут. Замечательные люди у нас бывали, но он – просто феноменальный.

Некоторые события я организовывал просто для того, чтобы порадовать людей. Так было в Усть-Качке, где я отдыхал по путевке. Мы сделали концерт силами отдыхающих и для отдыхающих. Успех был исключительный.

Вместе с Пермским музыкальным обществом мы придумали Бал хоров, который до сих пор с успехом проходит под Новый год в Перми.

Полный зал всегда был на Клубе музыкальных встреч, который проходил в библиотеке имени Пушкина. У меня есть прекрасное фото великолепной оперной солистки Лилии Соляник с такой встречи. В то время ей пришлось уйти из театра, и я ей устроил в нашем Клубе красивое прощание со зрителями. На встречи у микрофона много людей приходило. А что касается местных партийных бонз,

Клуб музыкальных встреч в городской библиотеке имени Пушкина

На встрече с Лилией Соляник

Передача «Ваши книжки», 1960-е годы

Телевизионная передача «Технический прогресс»

то на радио первые руководители появлялись весьма редко. Больше предпочитали телевидение, чтобы на экране засветиться.

Конечно, были и идеологические передачи. Без идеологии не проживешь: тогда она была одной, сегодня стала другой. Но в то время пермское радио было подлинной «академией культуры». Такой факт: на филфаке Пермского университета студенты в обязательном порядке должны были слушать передачи областного радио при изучении курса русского языка.

Из всего, что мне приходилось делать, пожалуй, самым ответственным было вести репортажи с праздничных демонстраций: там, несмотря на готовые тексты, возможны были любые неожиданные ситуации.

А самой каверзной была передача «Технический вестник». Приходилось произносить сложные технические термины, иногда совершенно незнакомые. Выручали словари.

Честно говоря, мне нравилось попадать в трудные положения, выбираться из стрессовых ситуаций. Однажды, помню, показывали мы два фотосюжета подряд из разных сел. Я прочитал уже треть текста и вдруг понял, что читаю не о том. «Ой, - говорю, - я не в ту деревню заехал!»

Евгения Ритенберг, режиссер телерадиоцентра в 1960-е годы:

- Была одна комическая история в самый первый год, как я начала работать. Григорий Барабанщиков вел вечерний выпуск новостей, а я была за пультом. В тот день первым сюжетом был отчет с какого-то партийного собрания, начинавшийся необычным кадром – с зеленых веточек. А вторым – материал о птицефабрике, который читал диктор. Монтажница перепутала сюжеты и смонтировала их наоборот. Я это обнаружила, уже когда начался прямой эфир.

Быстро остановила запись и по тихой связи сообщила Барабанщикову, что он сейчас в эфире, а не за кадром. Он моментально сориентировался, не растерялся. И все прошло, как будто так и должно было быть.

Еще помню, как однажды ему дали не тот текст, и в прямом эфире мне пришлось ползком ползти к его столу и передавать ему нужную бумагу.

Сейчас так много плохих людей, а он – очень хороший человек.

Владимир Рудин, звукорежиссер:

- С Барабанщиковым работать всегда было легко, потому что даже в самых сложных ситуациях, особенно во время репортажей, трансляции с праздничных демонстраций, он всегда оставался спокоен. И это спокойствие передавалось окружающим.

Флавия Попова, помощник режиссера:

- Барабанщиков – открыватель космической эры на нашем телевидении. В день полета первого космонавта он добровольно, по велению своего сердца организовал передачу, когда в эфире были не просто диктор с сообщением о полете, а шли фотографии неба, красивого неба, заката и т.д. И это оставило память на всю жизнь. Мы же все бежали на студию, чтобы помочь ему найти хоть одну картинку.

Юрий Филимонов, руководитель радио Пермского края:

- Григорий Степанович не признавал искусственных фонограмм. Так, наш «человек-легенда», сидя у микрофона по утрам, собственноручно озвучивал ту или иную рубрику: если клял курильщиков – зажигал спичку в эфире, открывая «листок календаря», реально отрывал страничку,

и так далее. Вроде мелочь, а какая-то особая теплота была во всех этих манипуляциях.

Раньше редакции радио имели четкую направленность: кто-то отвечал за экономику, кто-то за культуру, за «социалку», и так далее. Так вот, Григорий Степанович мог без усталости, взяв ножницы, часами вырезать тематические заметки каждому журналисту по интересам. Поражал даже не объем печатных изданий, которые он обрабатывал, а терпение и педантичность.

Но самой моей любимой была музыкальная передача «Третий звонок». Я отдавал ей много сил. Это только кажется, что все было легко и просто.

Идея о том, чтобы сделать такую передачу, родилась в 1960 году. Радиорелейной линии тогда не было, и из Москвы нам присылали киноплёнки с записями новостей и музыкальных программ из концертных залов, которые складывали в фильмотеку на хранение.

Стеллажи были забиты плёнками от пола до потолка. И вот однажды, зайдя туда в очередной раз, я подумал: «Такое добро пропадает!» И предложил делать еженедельную музыкальную передачу. В студии построили театральную ложу, как в театре. За кадром шла фонограмма шума из зрительного зала, настройка оркестра, затем звучали три звонка. Я заходил, садился и говорил: «Добрый вечер, друзья! Сегодня мы увидим и послушаем...» И перечислял имена исполнителей с плёнок, присланных нам из Москвы. Через некоторое время нам стали приходить письма от пермяков с просьбами повторить те или иные номера или поздравить кого-либо из своих близких.

Вскоре мы начали делать программы для целых трудовых коллективов. Я выбирал предприятие, для которого мы будем

На фото: Когда космический корабль «Восток» приземлился в Пермской области и космонавтов Леонова и Беляева спасли, радость была всеобщей! Пермский кулинар на радостях испек торт и принес его в студию. Март 1965 года

готовить передачу. Затем с фотографом Юрием Кондаковым мы выезжали на место: я беседовал с людьми, а он их снимал.

Потом в передаче мы рассказывали об этой поездке, показывали фотографии и музыкальные номера по заявкам трудящихся. Все были счастливы.

Затем мы стали делать передачи к праздникам. Особенно нам удавались новогодние «Третьи звонки», которые мы записывали в городских дворцах культуры.

Я всегда старался сделать так, чтобы вместе со мной ведущей на празднике непременно была девушка с того предприятия, которому принадлежит этот дворец. Зрители всегда очень тепло принимали как профессиональных артистов, так и своих, самодеятельных.

Самый грандиозный «Третий звонок» был посвящен Первому мая и длился чуть не пять часов. Он состоялся на арене цирка. Это была настоящая музыкальная и цветовая феерия. Виктор Руденко, руководитель ВИА «Контраст», например, поднимался под купол цирка! Кстати сказать, первое выступление на телевидении Виктора Руденко вообще было в моей программе.

Некоторым номерам так аплодировали, что, казалось, рухнет крыша!

Мы приглашали в студию, на запись передачи известных музыкантов города. Нашими гостями были джаз-оркестр Дома культуры железнодорожников, которым руководил Андрей Беликов, джаз-бенд из цирка под управлением Виталия Буйлина, эстрадный оркестр Дворца культуры имени Свердлова под руководством Николая Овчинникова, эстрадный оркестр Бориса Мазунина, университетский ансамбль «Бригантина», руководимый Борисом Облапкинским, ансамбль Валерия Сухорослова, группа «Дом».

Иногда в передаче «Третий звонок» мы использовали фрагменты из художественных фильмов. Для этого я каждый

На фото: Ну как было не использовать такое богатство!

«Третий звонок» в студии

... и во дворце культуры

Выступает группа «Дом». Игорь Копнищев и Олег Новоселов

*На фото: С Виктором Руденко, художественным руководителем и солистом
ВИА «Контраст» Пермской филармонии, февраль 1987 года*

Г. С. Барабанчиков в радиостудии

...И в поле!

вторник ходил в «Пермкинопрокат», где директорам кинотеатров показывали фильмы, пришедшие для проката. Я сидел с фонариком и записывал, в каких частях фильма есть интересные песни. Прокрутить эти записи в эфире тоже было довольно трудоемко: пока я читаю письмо или объявляю номер, киномеханик должен снять одну бобину, установить другую и отмотать до нужной отметки. А в понедельник, к девяти, а то и к восьми утра, пленку надо было уже вернуть в кинотеатр.

Когда в Пермь приезжали на гастрольные выступления популярные артисты, они обязательно приходили в студию. Пели вживую и в прямом эфире. Больше всех, помню, меня поразили Иосиф Кобзон. Я был восхищен тем, насколько это умный и эрудированный собеседник. Он приехал на программу со всем оркестром и дал полный концерт, а между песнями мы с ним беседовали. И все это в прямом эфире. Причем в тот день Кобзон уже отработал три концерта и не поспешил на четвертый – в студию.

Обычно накануне выхода программы я предупреждал зрителей о том, какой гость у нас будет в воскресенье, чтобы они присылали вопросы, которые я мог бы ему задать. Авторы самых интересных вопросов получали фотографию знаменитости с автографом. Фото делал тоже Юрий Кондаков.

Забавный казус вышел с Эдитой Пьехой. Когда мы еще до передачи стояли рядом и разговаривали, стала очевидна большая разница в росте. Я предложил ей беседовать сидя, на что она ответила: «Я слишком уважаю свои концертные платья, чтобы в них садиться!» Однако пришлось Эдите Станиславовне поступиться принципами.

А вот с Аллой Пугачевой передачи не получилось – у нее не нашлось времени. Она и написала мне на своей фотографии: «Время бежит быстро! Мы еще встретимся!» Но мы так и не встретились.

Сейчас это кажется несущественным, но в те времена была организация, которая стояла на «охране государственных

На фото: С Эдитой Пьехой

Ирина Александровна С
воткина
Москва, Россия. 13.11.76

С Аллой Пугачевой передачи не получилось — у нее не нашлось времени

тайн в печати», и обязательно нужно было пройти эту цензуру. Для музыкальной передачи тоже существовали свои табу. Я до сих пор горжусь, что мне удалось достать запись концерта группы «Машина времени» и поставить ее в эфир. А ведь тогда их песни нельзя было исполнять даже на дискотеках! Или ансамбль «Арсенал» Алексея Козлова, который одно время был в опале. Им разрешали гастролировать, но транслировать их выступления было запрещено строго-настрого. Мы записали концерт «Арсенала» во Дворце культуры и дали в эфир с комментариями композитора Генриха Терпиловского.

А ансамбль «Вопей М» мы записали во время ночной трансляции из Москвы и в воскресенье вечером показали его пермякам. И еще показали, не один раз. Впоследствии, позднее, когда закрывали нашу передачу, «Вопей М» мне тоже припомнили.

Программу уничтожили. Не было никаких обсуждений и предложений по изменению ее политики. Программу просто закрыли. Мне было очень горько. Видоизменяясь, она вполне могла дожить до сегодняшнего времени.

Меня начальство не любило, я им нервы трепал, делал замечания. В моей трудовой книжке столько выговоров!

У нас на телевидении было только два нормальных творческих руководителя - это Гуревич и Пичугин. Таких людей я очень уважаю.

Моисей Григорьевич Гуревич был, как говорят, журналист от Бога.

До этого он работал редактором газеты на строительстве Камской ГЭС. На радио пришел в 1950-х годах. И все телевидение у меня связано именно с Гуревичем, потому что он был удивительный человек – веселый, умница, отличный организатор, шел в ногу со временем. Когда при нем мы отмечали десятилетие нашей студии, приехали в гости все телестудии

На фото: Михаил Петрович Трунов был одним из самых талантливых режиссеров на Пермском телевидении

страны - Московская, Ленинградская, Кишиневская, Киевская... Директор Минской телестудии тогда сказал: «Знаете, ребята, у нас республиканская студия, но и нам бы не сделать так, как прошел ваш юбилей!»

Так получилось, что наша студия была одной из первых, отметивших свое десятилетие. Когда мы ездили поздравлять коллег по городам страны, то куда бы ни приезжали, всегда слышали: «Как мы вам завидуем, нам бы вашего Моисея Григорьевича!»

Он оформил мне стажировку на месяц в Останкино, и там, в Москве, удивлялись: «Молодец ваш Гуревич, как он ухитрился!»

Мне предложили работу на Центральном телевидении. А как я останусь? Прописки нет, а тогда было очень строго с этим. Многие приезжие вступали в фиктивный брак, жили где-то по углам - только бы там работать. А у меня семья, дочь... Кроме того, в Москве дикторов - десятки, надо кому-то понравиться, к кому-то подлаживаться, а это был бы уже не я.

Если Гуревич делал замечание, то в шутовой, юмористической форме. Мы так любили летучки! Это было целое представление, как сейчас, например, концерт какого-нибудь Максима Галкина.

Когда случился третий инфаркт, и Моисея Григорьевича выносили на носилках, он сказал: «Ну, как Джавахарлала Неру несут!» Шутить в такой момент! Это у него было не показное, а природное.

Гуревич поощрял всех к поиску, был очень внимателен ко всяким творческим предложениям и помогал их воплощать. Когда я придумал передачу, рассказывающую о фотографии, все говорят: «Да ну, кому это нужно!» Ни одна редакция не берет. А он из своего фонда выделил деньги, и передача пошла.

Он все чувствовал и понимал, с ним было очень легко. Человек с даром руководителя. Вот поэтому я часто говорю, что все

зависит от одного человека. Нет человека - и все рушится, что в государстве, что в коллективе.

Затем на студии появился совсем молодой Лев Футлик из Ленинграда. С этим режиссером прошла вся моя карьера телевизионная. Благодаря ему наше Пермское телевидение зазвучало на всю страну.

Именно этот человек сделал телевизионную газету «С объективом по родному краю». Газета выходила раз в месяц, а с ней и я вышел на экран. Меня буквально вытащили! Я не хотел, тогда ведь на экране были одни девушки. Футлик заставил, а мне потом понравилось. Форма была следующей: ведущий беседовал с гостями, комментировал различные кино- и фотосюжеты. Мы долго думали, как мне себя вести в эфире, и я решил, что буду просто разговаривать с собеседником, а не вещать. Оказалось, это был верный путь.

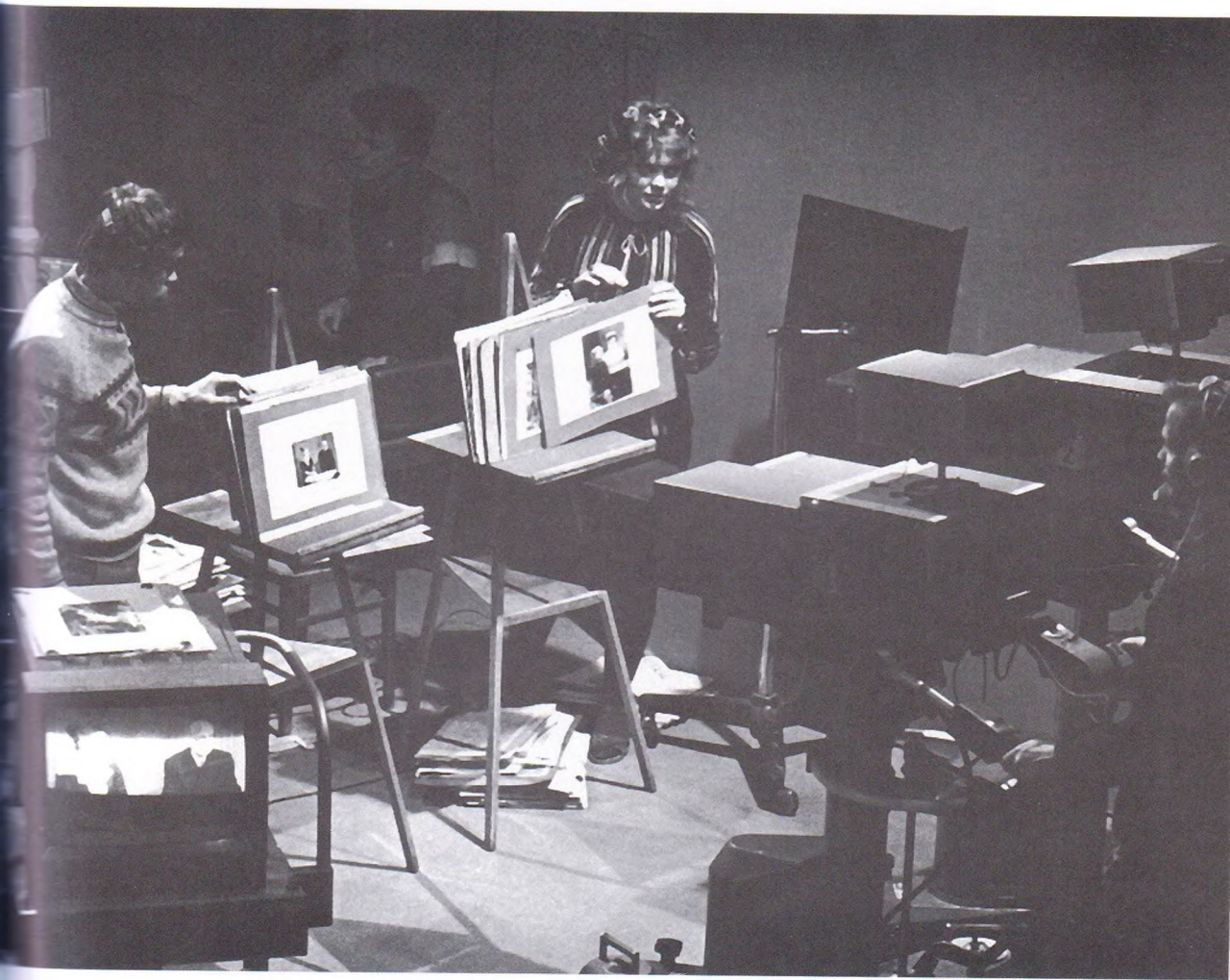
Как раз с этой газетой нас приглашали на свои юбилеи в разные города. На Ленинградском телевидении мы ее тоже показали, и очень известный кинооператор по фамилии Головня сказал Футлику: «Где вы взяли такого ведущего?» Тогда в диковинку было просто, по-человечески разговаривать с собеседником на экране.

Первый телевизионный документальный фильм Льва Футлика назывался «Навстречу жизни» - о машинисте электровоза, поэте, ветеране войны Константине Мамонтове. Я имел честь его озвучивать.

Мы делали цикл передач о войне «Память». Футлик был режиссером, а автором сценариев - литературный редактор Вера Шахова. Прошло много встреч с ветеранами тыла, одна передача была с вокзала «Пермь-II», где принимали раненых, другая - из «семиэтажки» (гостиница «Центральная». - Ред.), где жили эвакуированные писатели и артисты... В общем, репортажи с места событий военных времен. Хорошие и разные были передачи.

Рабочий момент. Готовится передача «Рассказывают фотографии»

Когда назначили к нам Пичугина, он уже был фигурой в журналистике. Он ходил, прислушивался, присматривался, сидел на летучках, вникал, но не давил, своего не навязывал. И только он вник и понял – его назначили главным редактором газеты «Звезда». Еще одна дурость высшего начальства. Иногда думаешь: черт возьми, ну откуда они берутся такие, эти, там, на высоких постах?! Это непонятные фокусы жизни!

Потом председателем телерадиокомитета назначили Кудрявцева. Кстати, именно он и похоронил мою передачу «Третий звонок». Она шла лет двадцать, а он закрыл, сославшись на письмо телезрителя, который в каком-то выпуске нашел какую-то несуразицу. Даже не разбираясь, Кудрявцев вызвал меня к себе и сказал, что программу закрывает, и уже готовую передачу, посвященную юбилею авиаучилища на Бахаревке, запретил пускать в эфир!

Мне почему-то думается, то письмо могли свои «доброжелатели» сочинить, уж очень грамотно оно было написано – с такими тонкостями, которых человек непосвященный знать не может. И что еще меня поразило, так это реакция «товарищей по цеху». Узнав о закрытии передачи, все ходили по коридорам и говорили: «Да как он мог!» Но никто, ни один человек не встал на мою защиту, на защиту передачи, которая из музыкальных была самой популярной. Это не равнодушие, нет, это был страх за себя, за свою судьбу. И мне это было горько, потому что сам я всю жизнь органически не мог принять несправедливость, и если меня что-то возмущало до глубины души, без оглядки «шел на амбразуру».

Потом иногда жалел, но в тот момент ничего с собой поделать не мог, хотя и понимал, что это потом может на мне отразиться. Кто-то правильно сказал, что самое страшное – это равнодушие. Все подлые дела совершаются при полном равнодушии.

На фото: Григорий Барабанщиков ведет передачу «Пермь вечерняя»

Передачу «Третий звонок» закрыли в 1980 году. Это был год Олимпиады. Я страшно переживал в глубине души, просто заболел. Люди спрашивали меня: а где «Третий звонок»?

А мне и ответить нечего. Иногда говорят, что этот цикл передач устарел – глупость несусветная! Цикл не может устареть, он меняется со временем, вместе со вкусами, вместе с изменением направления музыки, культуры, растет вместе с обществом, со зрителем. Передачу, особенно такую, обращенную к человеческой душе, всегда можно реконструировать, открыть в ней новые грани, не ломая главного.

Виктор Ларионов, заместитель председателя Пермского телерадиокомитета в 1990-е годы:

- Барабанищиков всегда был независим. То, что мы называем демократизмом, было присуще ему всегда. Однако что разрешается сейчас, в те времена не разрешалось... Так что конфликт Барабанищикова, несмотря на присущую ему сдержанность, с бывшим председателем телерадиокомитета Кудрявцевым, был естественен и неизбежен.

Герман Белов, редактор:

- И это был не каприз какой-нибудь. Это было нормальное требование отношения, внимания к себе как к творческой личности. Впрочем, многие его идеи, например, мысль создания передачи «Для тех, кто не спит» и другие, разбивались о глухую стену инертности начальства и нашего безразличия.

Альберт Асаинов (журнал «Пермский музыкант», 2004, №2):
...1980-й остался в памяти телезрителей Перми как год, в котором закрылась суперпопулярная в нашем крае

музыкальная передача «Третий звонок». На фоне сегодняшнего телевизионного музыкального беспредела, когда в телеэфире много музыкальных программ да плюс еще пара чисто музыкальных каналов, такое бы происшествие осталось бы наверняка мало замеченным. Но в то время исчезновение музыкальной программы, причем местной и горячо любимой зрителями Прикамья, было принято весьма болезненно. Пермяки за отсутствием информации делились всяческими невероятными слухами по поводу прекращения вещания любимого «Третьего звонка», но истинную причину мог знать только автор этой программы да его коллеги по телевидению.

Мудрый человек сказал: «В каждом городе должна быть хотя бы аптека, которая стоит на этом углу сто, двести, триста лет. Тогда это не место проживания, а твой родной город». Это история.

С одной стороны, современная Пермь меня радует изменениями, есть красивые здания. Но исчезает лицо города. В Мотовилихе осталась только диорама, много домов сносят. Город обязательно должен иметь памятные места, куда можно приехать через десятки лет. Память должна быть! Перми в этом отношении не везет.

Из больших начальников можно отметить разве что бывшего директора завода имени Сталина Анатолия Григорьевича Солдатова – он заботился о городе. Вот такой пустяк: на его заводе заасфальтировали дорожки, и между ними люди топтали тропинки. Он сказал, что неправильно сделали, сначала нужно было изучить, где люди ходят, а потом уже положить асфальт. Вот такой был человек, а ведь забот у него было и помимо этого много.

Одно время председателем телерадиокомитета был Константин Михайлович Кузнецов. И вот на партийной конференции в докладе первого секретаря обкома КПСС Бориса Коноплева была упомянута моя передача о фотографии в негативном контексте. Вернувшись с партконференции, Кузнецов сказал, что закрывать передачу не будем, а придумаем другое название. Поменяли название: было «Языком фото», стало - «Рассказывают фотографии». А сам Коноплев про нашу передачу и слыхом не слыхал, просто референт ему написал. Нет, что ни говори, а руководить - это большое искусство!

Так что конфликтов с властями у меня не было, всегда только с непосредственным начальством, потому что я ему ничего не прошал. Когда Тамара Ивановна Давыдова, сестра писателя Льва Давыдычева, стала директором студии, она решила ввести меня в худсовет. Через некоторое время говорит: «Я никогда не думала, что у тебя столько врагов!» В худсовет я не прошел. Но это было только внутри комитета. А за воротами студии я всегда был легендарной личностью - на склоне лет можно так сказать. Куда ни придешь - сразу узнают, улыбаются. Я даже этим пользовался иногда, жизнь заставляла. Например, жене нужно идти работать, дочка маленькая, а с детскими садиками очень трудно. Бабушка сидела одно время, но мы решили, что ребенок должен пойти в детский садик, развиваться. Пришлось мне пойти в детский сад недалеко от телецентра. Попросил - сделали.

Когда появился «Третий звонок», идешь по улице, ребятишки кричат: «О, вон третий звонок идет!» Так и называли.

Первая известность ко мне пришла на радио, но там не видно человека. Когда потом встречали меня и узнавали, кто такой, говорили: «А мы думали, вы такой большой, высокий!»

Уважаемый Григорий Степанович,
Поздравляю вас с Новым годом
и с шестидесятилетием!

Пусть этот год будет хорошим,
Желаю вам крепкого здоровья,
радости, благополучия, исполнения
заветных желаний!

Помните слова: „Мои года -
мое богатство“.

Не для всех эти слова, но для
вас - обязательно.

Я совсем не знаю вас, но, слу-
шая радио, всегда узнаю по голосу,
который действует на меня как-то
умиротворяюще. (гораздо больше ра-
дык Экстрасенсов).

19/11 слушала, как вы читали
записанные стихи Влад. Радкевича.
Спасибо!

Хватит уж разны речей „мандалыта,
у вас там, на радио, наверно ^{люб.} хо-
роши коллектив и надеюсь, что
вы все, сообща, восстанете такие,

как Тамара Сыроевцева.
Её я тоже не знаю, но так ей...
Очень уж ей вас откликается.
Но, кажется, уже стает помладше.

Я стараюсь заниматься, почти
на 10 лет старше вас и уже только
выскакиваю занимаюсь, но челове-
ческое общение мне необходимо
и я равнодушным не отношусь.
Мне еще хочется увидеть вас в живую.
А вы еще стаете поводом для
восхищения, поэтому - по добшему
не старейте!

С уважением

Зинаида Гейрова

Не знаю точного адреса, но
так хочется, чтобы вы были дома.

Первым признанием, когда работал на радио, был подарок – фарфоровая статуэтка Пушкина. Его от имени жителей одного из дворов оставили для меня на проходной. Она до сих пор у меня хранится, ей уже пятьдесят с лишним лет, а я так и не знаю, кто мне ее подарил.

Другим дорогим для меня признанием считаю похвалу писателя Александра Спешилова. Прослушав по радио мое чтение одной из глав его новой книги, он сказал: «У меня было такое впечатление, что вы стояли за моей спиной, когда я писал свою книгу».

Еще один «подарок» профессии – возможность ходить на множество зрелищных мероприятий. Дочке в этом смысле очень повезло, мы не пропустили ни одной новой программы в цирке. В то время жили ведь не очень шикарно. На зарплату нужно было и жить, и одеваться.

К вопросу о гардеробе. На телевидении дикторам могли раз в два года купить мужчинам один костюм, а женщинам – две кофточки. Зоя Николаева выходила из положения так: готовила себе разные «вставки» на кофты, и получался каждый раз новый наряд. Мужчинам оставалось только галстуки менять. Это были, как писал Чехов, невидимые миру слезы. Но все окупалось любовью к профессии, благодарностью слушателей и зрителей, и все трудности забывались.

Из письма радиослушательницы, поэтессы из Чердыни Светланы Володиной:

«Здравствуйте, уважаемый Григорий Степанович! Посветлело на душе: приходит в наш северный край весна. Но не только из-за солнечных дней поднимается настроение.

Становится радостнее, теплее от знакомых голосов на радио. Какое-то время Вас не было слышно, мы не на шутку забеспокоились, думали, может, Вы приболели, был в это время грипп, настоящая эпидемия. Но, слава богу, каждый день радио рассказывает нам такими знакомыми, родными голосами обо всем на свете. У нас некоторые люди в Чердыни специально включают радио в 7 часов, чтобы послушать стихи в Вашем исполнении. Неважно чьи – любые стихи Вы умеете прочитать, подать как гениальное творение».

Из телепередачи, посвященной 60-летию юбилею Г. С. Барабанщикова (декабрь 1991 года):

«Этот голос знают во всех уголках Пермской области. Голосом Барабанщикова, таким привычным, почти родным, начинает вещать Пермь ранним утром и заканчивает свои передачи вечером. Диктор Пермского радио Григорий Степанович Барабанщиков, пожалуй, самый известный в Перми и в Пермской области человек. Люди часто не знают руководителей городского и областного масштаба, а Барабанщикова знают все!»

Из письма Л. А. Могучих:

«Большое спасибо Вам, Григорий Степанович, за передачу 4 мая. На следующий день меня буквально чуть ли не каждый работник поздравил за руку».

Из писем в редакцию:

«Помните слова: «Мои года – мое богатство»? Не для всех эти слова, но для Вас – обязательно. Я совсем не знаю Вас, но, слушая радио, всегда узнаю по голосу, который действует на меня как-то умиротворяюще (гораздо лучше всяких экстрасенсов)».

«Хочу выразить благодарность диктору Г. Барабанщикову за то, что он помогает нам знать о погоде хотя бы тем, что говорит, сколько градусов на термометре радиодома. А вот сегодня, 5 ноября, я тоже ждала этого сообщения, но другой диктор не подумал о нас. А хотелось бы это слышать ежедневно, потому что у меня нет термометра с улицы, и в магазинах их нет. А синоптики, видимо, еще долго не будут нам сообщать о погоде».

«Вы такие умеете делать передачи, что мы их воспринимаем как праздник и благодарим за все!»

Из письма в редакцию:

«Вот уже год как не стало слышно нашего самого любимого диктора Г.С. Барабанщикова, и как-то пусто стало и в доме, и в душе. Никто так не скажет о погоде, как он! Никто не найдет каких-то особых, удивительно теплых, душевных слов!.. Как-то в эфире мелькнула фраза о пожелании ему здоровья и в первую очередь здоровья. Значит, он болен, и я лично, и мои близкие (все его любят и очень уважают) желаем ему бодрости духа, сил душевных и телесных. И пусть он помнит, что его никогда-никогда не забывают и всякий раз с надеждой ждут услышать: «У микрофона Григорий Барабанщиков».

Из писем в редакцию:

«Уважаемые товарищи, передайте от нашей семьи сердечные поздравления с присвоением звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» Барабанщикову Г.С. ... С появлением в середине 1950-х годов диктора Барабанщикова пермское радио перестало отдавать провинцией».

На фото: Письма Григорию Барабанщикову приходили мешками, в том числе из самых удаленных уголков Пермской области.

«Вчера передача «Третий звонок» не состоялась в виду болезни автора и ведущего передачи Г.С. Барabanщикова. Стало почему-то жаль, что в воскресный вечер сотни телезрителей (может быть, с утра ждавшие музыкальной передачи) вдруг лишатся этого удовольствия... Еще раз хочется сказать большое спасибо Григорию Степановичу и от всех телезрителей пожелать ему крепкого здоровья, успехов в его творческой работе. Надеемся скоро вновь увидеть Вас на своем посту».

Однажды газета «Звезда» объявила конкурс частушек. Награждение состоялось во Дворце культуры имени Дзержинского, и мы с Ириной Волковой вели это мероприятие. Вышли на сцену: «Добрый день, мы - Ирина Волкова и Григорий Барabanщиков!» Был такой шквал аплодисментов! Минуты две, наверное. Это было впервые. Зал полный, глаза по-детски светятся восторгом, счастьем - такие моменты незабываемы. И понимаешь, что живешь не зря.

Это чувство много раз меня спасало. Сидишь иной раз, хочется повеситься просто, до того начальство загнобит - ну ничего не дает делать! А как вспомнишь, что не для них работаешь, а для людей, и они так тебе благодарны, и про напасти твои они ничего не знают - и пусть не знают. И снова хочется и жить, и работать.

Я - человек «верующий». Верующий в то, что рано или поздно жизнь пойдет так, как ей положено идти. Надо в это верить, надо терпеливо ждать и быть готовым к лучшим переменам, то есть не размениваться на мелочи и, как это ни трудно, надо оставаться самим собой.

На фото: Григорий Барabanщиков - любимый ведущий пермяков

ГРИШЕ БАРАБАНИШКОВУ
в день его пятидесятилетия

Есть у жизни такая странность:
Сутки - тянутся, годы - летят...
Вот и Вам,
Григорий Степанович,
Исполняется 50!
Пусть не гложет Вас
мысль подспудная,
Что, мол, это - рубеж, черта...
50 - это просто трудная,
С боем взятая высота!
И как прежде,
ни на мгновение
Жизнь поблажки не даст тебе -
Продолжается исполнение
Предназначенного в судьбе.
Ты сроднился с прикамским краем,
С его судьбами и людьми.
Мы давно уже замечаем,
Что ты стал - частицей Перми.
Знали мы - на работе, дома -
Телевизор включить спеша,
Что у жизни -
голос знакомый,
А у голоса - есть душа.
Можно добрым быть и сердитым,
Но одно мы запомни навек:
Может всё же
хорошим диктором
Лишь хороший быть человек!
Прочь речей юбилейных верою,
Мы - друзья, мы в кругу своем.
Просто скажем, что ты нам дорог,
И дороже нам с каждым днем -
Не служебной своей прилежностью,
Где то жвалят, то бьют под дых,
А пожизненной принадлежность
К поколению молодых.
...А итти нам всё дальше и выше,
Продолжается жизненный путь.
Добрый друг, Барабанщиков Гриша,
Будь здоров ты... И счастлив - будь!

В. Радкевич.

В. Радкевич
18 - XI - 819.

Светлана Леонидовна Федотова

Судьба Барабанщикова

Монолог замечательного диктора в сопровождении убедительных фотографий, необходимых уточнений и трогательных писем

В оформлении книги использованы фотографии
Ю. М. Кондакова и из личного архива Г. С. Барабанщикова

Продюсер проекта: Юлия Ворожцова
Компьютерная подготовка и оформление: Павел Лоптев
Литературный редактор: Альмира Зибзеёва
Корректор: Майя Горбунова

Сдано в набор 25.09.2012
Формат 70x100/12. Печать офсетная
Заказ 50524
Тираж 500
Отпечатано в ООО «ПК «Астер»»

©С. Л. Федотова, 2012
©Продюсерский центр «Траектория» (ООО «Траектория»), 2012

